

УДК 37.013.43

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ КОММЕНТИРОВАНИЕ:
«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Архинова С.В.

главный библиотекарь,

Государственная публичная историческая библиотека России

г. Москва

mut-nedjemt@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются приемы использования культурно-исторического комментирования средневекового текста с целью расширения культуроведческой компетенции учащихся и развития у них познавательного потенциала через семантику неясных слов и словосочетаний. Язык является универсальным средством погружения в пространство прошлого и приобщения к высшим ценностным смыслам национальной культуры. Анализ языковых средств источника позволяет избегать поверхностных обобщений, раскрывать имплицитные текстовые смыслы, демонстрировать диалектику общественных процессов, способствуя формированию у учащихся диалектического мышления и понимания отечественной культуры. Культурно-историческое комментирование, основанное на принципах изучения лексики в образовательно-познавательном аспекте в связи с духовной и материальной культурой России, позволяет углубить понимание событий, представленных в других учебных текстах. «Поучение» Владимира Мономаха вобрало в себя многие аспекты социальных отношений и книжной культуры, княжеской повседневности и морально-этических норм, духовных ориентиров и элементов двоеверия, что делает этот текст богатейшим информационным источником своей эпохи.

Ключевые слова. Древнерусская литература, Владимир Мономах,

«Поучение», анализ текста, лексика, семантика, имплицитные смыслы.

CULTURAL AND HISTORICAL COMMENTARY: USING THE EXAMPLE OF
VLADIMIR MONOMAKH'S "INSTRUCTION"

Arkhipova S.V.

chief librarian

State Public Historical Library of Russia

Moscow

mut-nedjemt@yandex.ru

Abstract. The article discusses the techniques of using cultural and historical commentary of a medieval text, in order to expand the cultural competence of students and develop their cognitive potential through the semantics of obscure words and phrases. Language is a universal means of immersion in the space of the past and familiarization with the highest values of national culture. The analysis of the linguistic means of the source allows avoiding superficial generalizations, revealing implicit textual meanings, demonstrating the dialectic of social processes, contributing to the formation of dialectical thinking and understanding of Russian culture among students. Cultural and historical commentary, based on the principles of studying vocabulary in an educational and cognitive aspect in connection with Russian spiritual and material culture, allows you to deepen the understanding of events presented in other educational texts. Vladimir Monomakh's "Teaching" incorporated many aspects of social relations and book culture, princely everyday life and moral and ethical norms, spiritual guidelines and elements of double faith, which makes this text the richest information source of its era.

Keywords. Old Russian literature, Vladimir Monomakh, "Instruction", text analysis, lexicon, semantics, implicit meanings.

Введение. В обучении истории большое значение имеют документальные источники, которые в отрывках и адаптированных переводах используются при объяснении новых тем и в текущей учебной деятельности. Это позволяет

педагогу речевыми средствами воссоздавать картины прошлого и дополнительно иллюстрировать их – «расцветивать» – за счет описаний, оставленных современниками и непосредственными участниками событий. Документальные источники также дают возможность наглядно демонстрировать диалектику общественных явлений, способствуя формированию у учащихся диалектического мышления. Именно на основе соединения теоретического учебного материала и документальных источников в обучении истории осуществляются принципы научности (анализ, сопоставление, синтез), объективности и историзма.

Акцент на духовную и культурную жизнь людей прошлого, призванный выработать у учащихся объективно-оценочное отношение к процессам общественного развития и восприятию отдельных личностей в истории, побуждает педагога активнее использовать документальные источники, но для этого он должен обладать компетенцией работы с текстом, ибо раскрытие смыслов произведений далеких эпох и культур требует не только понимания, но и «глубокого проникновения в духовный мир человека – представителя и носителя той или иной культуры» (Челышев, 1999, с. 260).

К сожалению, вынесение документальных источников в приложения к параграфам учебников лишает их самостоятельной смысловой нагрузки, препятствуя приобретению целостного навыка работы с учебной информацией. Поэтому целесообразно разбирать на занятиях лексические средства этих текстов, особенно связанные с ключевыми событиями и/или поворотными этапами исторического процесса, как самостоятельные объекты познания: к этой группе памятников относится, например, «Поучение» Владимира Мономаха, разбор которого требует разъяснения многочисленных элементов (аспектов, нюансов) социальной культуры и культуры повседневности, которыми насыщен текст. Для этого, в зависимости от вида информации, представленной в текстовом фрагменте (наказы, положения, тематические рассуждения, пр.), педагог может использовать как краткий (словарное значение отдельных слов и словосочетаний), так и более расширенный комментарий (семантические связи

элементов текста).

Постановка проблемы. Выявление возможностей использования культурно-исторического комментирования средневекового текста для эффективного влияния на развитие познавательного потенциала обучающихся.

Вопросы исследования.

- Как использовать средства языка для погружения учащихся в пространство отечественной культуры и приобщения их через язык к высшим ценностным смыслам?
- Как на основе культурно-исторического комментирования средневекового текста выявить семантику неясных слов и словосочетаний, не просто раскрыв их значение, но одновременно расширив культуроведческую компетенцию учащихся?

Целью данного исследования является культурно-историческое комментирование средневекового текста как средства ознакомления обучающихся с отечественной культурой через документальный источник; методы исследования обусловлены проблемой и целью исследования: текстологический и языковой анализ документального источника для раскрытия заложенных в нем имплицитных смыслов.

Выбор текста «Поучение» Владимира Мономаха (создавался с 1117 по 1125 гг.) обусловлен не только богатой стилистикой языка, но и тем значением, которое придается ему в пространстве отечественной культуры: «Поучение» связывают с идеями панэтизма русской средневековой философской мысли (Громов, 1997, с. 127-134) и с истоками отечественной политической идеологии: «К деятельности этого правителя мы возводим целый сонм важнейших новаций, сложивших корневую структуру русской религиозности, книжности, летописания, архитектуры, законодательства, политики, территориального оформления и прочего» (Хрусталева, 2021, с. 32). Благодаря этим факторам, а также глубине этических и моральных наставлений Мономаха, текст является знаковым произведением в ряде школьных дисциплин и при разборе требует от педагога применения навыков аспектного анализа. Культурно-историческое

комментирование, основанное на принципах изучения лексики в связи с духовной и материальной культурой, позволяет через семантику освещать нюансы описания событий той или иной эпохи. В данном исследовании использованы приемы установления значений отдельных лексических единиц, определения стилистической цели семантически неясных слов и анализа речевого колорита.

«Поучение» представляет собой монологический текст, составленный от лица князя и адресованный его детям, сохранившийся в единственном списке, в составе Лаврентьевской летописи, где он помещен под 1096 г. Текст разделяется на несколько самостоятельных фрагментов: преамбулу, свод изречений, учительную часть («грамотицу»), автобиографию князя и его письмо двоюродному брату и политическому противнику Олегу Святославичу Черниговскому, причем автобиография и письмо не имеют аналогов в отечественной литературе XI-XII вв. В жанровом отношении текст представляет собой духовную грамоту, то есть морально-этическое и политическое наставление сыновьям, составленное автором незадолго до кончины.

Установление значений отдельных лексических единиц

Отдельные лексические единицы – например, обозначения этических категорий, на первый взгляд представляются совершенно ясными, однако в языке XI-XII вв. их значение отличалось от современного. Например, это касается лексемы «добро» с ее производными: «Добро же творя, не ленитесь ни на что доброе, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные (Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣннити на нак что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшет блаженный и вси добриимужи свершении)» [464-465]. Смысл этого высказывания заключается в представлении поведенческого паттерна или образца, следовать которому говорящий призывает своих коммуникантов. Но в XI-XII вв. словом «добро» обозначали не общую нормативно-ценностную категорию, а совершенно конкретные мировоззренческие установки: «благотворение», «благодеяние»

(Словарь, 1867, I, с. 329), «богатство» (Бахилина, IV, 1977, с. 258), а его производное «доброе» означало «имущество» (Бахилина, IV, 1977, с. 258). Глагол «лениться» семантически был связан не с бездействием, как в современном языке, но со значением «поступать нерадиво, неприлежно» (Словарь, 1867, II, с. 271), то есть относился к глаголам действия, одновременно придавая этому действию качественный оттенок.

Если соединить вместе эти лексемы, то смысл дидактической единицы сводился к призыву регулярно делать щедрые подношения церкви для обретения общественного признания: прилагательное «совершенный» прилагалось к человеку, «имеющему все потребные к чему-либо качества; исполненному всех добродетелей» (Словарь, 1867, IV, с. 170). Объединение в одной фразе «всех добрых мужей» с отцом Мономаха, великим князем киевским Всеволодом Ярославичем, указывает, что словосочетание относилось не к любым праведникам, но исключительно к правителям – и конкретно к тем из них, которые отличались религиозностью и щедростью к церкви.

В этом отношении примечательно, что такое вроде бы абсолютно христианское по духу наставление не лишено оттенка язычества. В XI-XII вв. все еще сохранялись языческие представления о разделении людей на любимцев богов – «богатых» (занимавших высшие ступени в структуре общества) и отверженцев богов – «убогих» (низко стоявших в иерархии общественных отношений). (Сиповский, 1911, с. 75). Отсутствие нравственного содержания в такой оценке человека восполнялось идеей судьбы (рока), которая определяла весь ход человеческой жизни. В рамках этой двухчленной структуры к «добрым мужам совершенным» в «Поучении» контекстно относятся князья, отмеченные богом богатые и наделенные всеми добродетелями благотворители.

Однако добродетель не была эквивалентна святости. «Добродетель» означала «благодеяние, благотворение» (Словарь, 1867, I, с. 329), выступая синонимом к слову «добро», то есть субстантивированно лексема «добродетель» принадлежала к лексико-семантической группе действия (делать благо, творить благо), а «святость» – к группе качества и состояния: святой = непорочный,

непогрешимый (Словарь, 1867, IV, с. 109). Путь к святости лежал через добродетель, но не всякий добродетельный человек достигал святости. В этом отношении показателен эпитет «блаженный», который Владимир Мономах прилагает к своему отцу, умершему в 1093 г. Этим князь не приписывал отцу лик святости, как можно было бы подумать, поскольку эпитет прилагался не только к святым, но и к умершим в значении «покойный, почивший, блаженной памяти» (Бахилина, I, 1975, с. 232).

Примечательно, что глагол «лениться» в контексте данной дидактической единицы раздвигает поле-пространство речевого акта, логически привлекая в него отвлеченный образ антиидеала (того, кто не прилежен на доброе и не становится ни совершенным мужем ни блаженным). Глагол концептуализирует речевой акт таким образом, что в фокусе внимания оказывается не отношение между говорящим и его адресатом, а отношение между говорящим и «другими коммуникантами»: антиидеалом и общественным признанием.

Таким образом, общий смысл рассматриваемой дидактической единицы можно представить следующим образом: следует активно заниматься благотворительностью и щедро одаривать церковь, чтобы войти в число отмеченных богом «совершенных мужей» и оставить после себя блаженную память.

Определение стилистической цели использования семантически неясных слов и выражений

Понятие стилистической цели можно определить как выявление речевой организации языковых средств, способствующей выражению концепции и замысла автора. Для определения магистральной авторской мысли в «Поучении» интересно рассмотреть лексему «время» с цепочкой связанных с ней по смыслу самостоятельных слов: день, ночь, лето, осень, зима, весна, год, месяц, утро, день, ночь, пр. Семантическая неопределенность лексемы выявляется через сравнение с относящейся к ней тематической группой, что позволяет говорить о концепте времени в тексте.

В XI-XII вв. понятие времени определялось как «последование,

продолжение бытия вещей» (Словарь, 1867, I, с. 173). В «Поучении» это слово встречается лишь однажды, что свидетельствует о его нехарактерности для функциональной системы понятийных категорий языка: «А врозь перебил их в то время около двух сот лучших мужей (По чередам избъено не съ 200 в то время лѣпших)» (470-471). Выражение «в то время», по-видимому, сравнительно недавно закрепилось в разговорном языке образованных людей Киева, «как заимствование из церковнославянского и уже обрусевшее» (Якубинский, 1949, с. 11), но в широкий обиход еще не вошло.

К наиболее частотным обозначениям времени в «Поучении» относятся тематические группы слов, маркировавшие отдельные отрезки времени, включая времена года и суточные периоды.

«Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли» («Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху ляхове пожгли») (464-465);

«Затем ходил... в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир» («Та идохъ... на Сутейску мира творить с ляхы. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять») (464-465);

«Ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца» («Ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци») (464-465);

«И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский» («И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородское») (464-465);

«А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль» («Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю») (464-465);

«И я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной – Глебу в помощь. А летом с отцом – под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк» («И язъ паки Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочью А на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ»), пр.

В этих высказываниях содержатся перечисления событий без указания

даты, то есть сообщается последовательность эпизодов, без конкретной временной привязки. Совершенно очевидно, что коммуникативной цели автора это никак не нарушало: именно так в XI-XII вв. воспринимался ход времени. Более детально в «Поучении» отражено суточное время, где каждый отрезок оказывается маркирован видами деятельности и личными молитвами князя.

Стилистическая цель высказывания «пусть не застанет вас солнце в постели» сводится к наставлению рано приступать к повседневной деятельности, то есть относится к распорядку дня говорящего. Солнце как источник света ассоциативно связывалось с активностью, расторопностью, жизнью (Бахилина, 26, 2004, с. 129-130), а постель – с бездеятельностью, болезнью и смертью (Бахилина, 17, 1991, с. 236-237). Метафорически свет воспринимался как начало божественное, нравственное, а тьма – как начало бесовское, греховное. То есть активность на протяжении всего светового дня ассоциировалась с неким духовным стандартом, который связывал человека с богом, а бездеятельность – с бесами или дьяволом. Выявление речевой организации языковых средств, способствующих выражению концепции и замысла автора, является одним из главных видов работы с текстом документального источника. Поэтому так важен набор речевых средств Владимира Мономаха, маркировавший для него цикличность суточного круга.

«На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный» («Заутреннюю отдавше Богови хвалу, и потом солнцю въсходящую, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои, Христе Боже, иже даль ми еси свѣтъ твой красный!»)» [464-465]. В этом речевом акте заключен парафраз четвертого стиха из двенадцатого псалма Давида: «Просвети очи мои, да не усну я сном смертным» [Псалтырь 12:4]. «Свет прекрасный» русского князя выступает риторическим противопоставлением «сна смертного» Давида, то есть тьмы, фигурально воплощая антитезу жизни и смерти. Контрастная противоположность света и тьмы – одна из наиболее частотных в агиографической литературе, где «свет

воспринимался как высшее, Божественное, нравственное начало, как святость, непогрешимость, духовное величие и слава, источник Божественной мудрости и благодати, нравственная опора и утешение» (Балашова, 1997, с. 114). «Тьма в этом контрастном противопоставлении воспринимается как начало бесовское, еретическое, связанное с безверием, греховными заблуждениями, помыслами и соблазнами, с неспособностью понять Божественную истину, как утрата нравственных ориентиров и, как следствие, нарушение безмятежного, гармоничного состояния человеческой души» (Балашова, 1997, с. 114).

Смена дня и ночи отмечалось личными молитвами Мономаха. Если на рассвете князь молился о «просветлении очей», т.е. об осознании мира, который становится видимым благодаря восходу солнца, то с наступлением ночи – о прощении скопившихся за день грехов: «Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли... Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и пением человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется (Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли... А того не забывайте, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночным поклоном и пѣньем челоуѣкъ побѣждает дьявола, и что в день согрѣшитъ, а тѣмъ челоуѣкъ избывается)» (4, I, с. 462-463]. О точности авторской формулировки относительно пения свидетельствует другое высказывание: «если других молитв не умеете сказать...». Значит ли это, что в дневное время суток молитвы читались или произносились, а ночью – пелись? В XI в. культура церковного пения получила широкое распространение на Руси (Ивакин, 1901, с. 113-114). О том, что Мономах владел этой культурой, свидетельствует митрополит Никифор, который в своем послании к нему говорит: «возьми третий псалом первого часа, который является сотым, и внимательно пой его (курсив мой – С.А.): «Милость и суд воспою Тебе, Господи». Он есть истинный пример царского и княжеского образа» (Никифор, 2007, с. 268).

Начиная день с языческого моления о свете как источнике животворящей силы, Мономах заканчивал его христианской молитвой о прощении накопившихся за день грехов, но для него в этом не было никакого

противоречия: в условиях двоеверия XI-XII вв. к архаичной мифо-поэтической традиции обращались, возможно, даже чаще, чем к христианской духовности, к тому же соединение христианства с популярными элементами язычества сближало Мономаха с широкими социальными слоями.

Личные молитвы Мономаха маркировали не только суточные циклы, но и виды его деятельности на протяжении дня: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах покаявшись, исправил жизнь свою». Так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать («Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявсья, оправдивъ животь», тако похваляю Бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати)» (464-465). В этом речевом акте отразилась особенность русской языковой картины мира, которая заключалась в том, что «языковое обозначение времени суток в значительной степени определялось деятельностью, которая его наполняла. День заполнен деятельностью; утро начинает дневную деятельность, а вечер кончает; ночь – это как бы «провал», перерыв в деятельности» (Зализняк, 2012, с. 57). Личная молитва, сочетавшая формулу славословия с неявной просьбой о содействии, близка языческим требам, поэтому ее принадлежность к вербально-концептуальной форме мифорелигиозного сознания двоеверия очевидна.

Общий смысл концепта времени в «Поучении» сводится к выстраиванию последовательности событийного ряда со смещением в нем поступательного и циклического времени. С одной стороны, Мономах говорит о себе «молод был и состарился» (Псалтырь 36:25), «сегодня живы, а завтра мертвы», но с другой стороны, он описывает всю свою жизнь и каждый день жизни как череду естественных циклов. В рамках мировоззрения, где все происходящее воспринималось в связи с божественной волей, восприятие времени носило циклический характер, и ассоциаций с числовой шкалой не возникало. Поэтому стилистическая цель высказывания «пусть не застанет вас солнце в постели» означала совет использовать время жизни для познания божественного

промысла.

Анализ речевого колорита XI-XII вв. для установления смысла высказываний

К речевому колориту средневековых текстов можно отнести набор как осознанных, так и неосознанных свойств, и характеристик речи. При этом пространные описания с углублением в человеческую психологию были неизвестны древнерусской литературе, тем уникальнее выглядит «Поучение» Владимира Мономаха по сравнению с другими произведениями разных жанров.

Риторика Мономаха, основанная на выражении многого через краткие, но емкие речевые акты, была отчасти обусловлена тем, что его коммуникантам события его жизни были хорошо известны. Но некоторые детали позволяют предположить, что главные свои замыслы автор прямо не называл, хотя они были абсолютно ясны его детям. Судить о смысловой многозначности текста можно, например, на примере преамбулы: «Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью моею из рода Мономахов... (Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы...)» (Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т.: [Переводы] / [РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом)]; ред. Д.С. Лихачев и др.]. СПб.: Наука, 1997-2020. Т. 1. С. 456). В этом кратком вступлении содержится ряд положений, в которых заключена цель авторского замысла создания текста.

В преамбуле указаны два имени Мономаха, родовое (светское) и христианское, что было связано с практикой двуименности Рюриковичей, которая восходила к Владимиру Святому. Принятие христианства на Руси внесло сумятицу в имянаречение княжеских отпрысков. После крещения все князья оказались в двойственном положении: с одной стороны, им было необходимо поддерживать внедрение христианской веры и подавать пример новообращенным христианам, с другой – им было очень важно сохранить

архаичные традиционные имена, под которыми они правили и которые были привычны и понятны для их окружения и подданных.

Нередко светское имя ребенку давала мать, причем не только старшему. Князья часто женились на иностранках, отсюда иностранные имена и в русских семьях, и у сопредельных народов, скандинавов и половцев. Так, сын черниговского князя Михаила Всеволодовича Ростислав был женат на дочери венгерского короля Белы IV Анне: один его сын получил имя Бела, другой – Мича, а дочь – Кунгута. Супругой старшего сына Владимира Мономаха Мстислава Владимировича стала шведка Христина, их дочери носили скандинавские имена Мальмфрида и Ингеборга. То, что имя княжичу дает дед, может свидетельствовать о ранней смерти матери, родами или после родов, но включение ее в перечень родства, причем анонимно, не характерно для реалий того времени. «Именами женщин в древнерусской письменности всегда пренебрегали, называя их по имени мужа или сына» (Толочко, 1992, с. 113), но ведь дело касалось представительницы византийского императорского дома!

Сведений об этой женщине крайне мало, даже точное имя ее неизвестно: в смоленских преданиях о перенесении иконы Смоленской Божией Матери из Константинополя на Русь она названа Анной; в синодике Киевского Выдубицкого монастыря – Анастасией; в помяннике Киево-Печерского патерика в редакции Иосифа Тризны – Ефросинией; в других источниках – Марией, Ириной и Феодорой. При этом в научной историографии безоговорочно признается положение о том, что автор «Поучения» был сыном «царицы грекыни», дочери Константина IX Мономаха (годы правления 1042-1055) от второго брака или иной его близкой родственницы (Горский, 1987, с. 310; Ищенко, 2017, с. 75; Янин, Литаврин, 1962, с. 75). Однако из-за отсутствия документальных подтверждений это положение небесспорно. Поэтому в качестве концепции можно предложить другую точку зрения.

Родство с византийским императорским домом резко выделяло Мономаха среди Рюриковичей, давая ему ряд важных политических преференций (Ищенко, 2017, с. 75). Во-первых, если матью Владимира Всеволодовича действительно

была византийская принцесса, то по смерти Константина Мономаха, когда прервалась Македонская династия (1081 г.), он мог претендовать на константинопольский престол с не меньшим правом, чем Алексей Комнин, потому что его «дед» Константин Мономах являлся «законным» императором благодаря женитьбе на императрице Зое, дочери Константина VIII (Горский, 1987, с.310-311). Но этого не произошло.

Во-вторых, логично было бы ожидать, что в силу почетного родства Владимира часто будут именовать Мономахом, хотя интитуляция по женской линии и противоречила киевским обычаям. Но в летописях антропоним «Мономах» впервые встречается в «Поучении», в составе Повести Временных лет по Лаврентьевскому списку под 1096 г. (список создавался в 1377 г.), а затем по Ипатьевскому списку под 1111, 1113 и 1115 гг. (список создавался в конце 1420-х гг.), после смерти князя – трижды в Киевской под 1125, 1140 и 1193 гг. (редакция около 1200 г.) и по одному разу в Галицко-Волынской (редакция XIII в.) под 1201 г. и в Лаврентьевской летописях под 1177 г. Все это были тексты, прошедшие позднейшее редактирование, или вовсе позднейшие тексты, или хотя и составленные при жизни князя, но включенные в летопись в позднейшее время, как «Поучение».

Однако некоторые другие, хотя редкие, виды источников, свидетельствуют, что имя «Мономах» употреблялось при жизни князя, причем в официальных документах. В качестве примера можно привести вислую печать из коллекции Новгородского историко-художественного музея (№ 13082), которая содержит поясное изображение св. Василия Кесарийского (святого покровителя Мономаха) и надпись в восемь строк:

Σφραγ[ις]
 Βασιλείου
 τοῦ πανευγενεστάτου
 ἄρχοντος
 Ρωσίας τοῦ
 Μονομά

χ[ου]

«Печать Василия, благороднейшего архонта Руси, Мономаха» (Янин, Литаврин, 1962, с. 205). Этот памятник датируется значительным промежутком времени, от раннего периода 1070-х гг. до киевского княжения Владимира Всеволодовича 1113-1125 гг. (Янин, Литаврин, 1962, с. 207, 212). Как бы то ни было, но на других сохранившихся печатях греческий титул «архонт Руси» заменен на титул «князь русский», а «родовое» имя вовсе отсутствует. В основном Мономах упоминается согласно установленной традиции под своим славянским именем Владимир, так что приходится признать, что его почетный антропоним не получил широкого употребления.

В-третьих, нет никаких указаний о браке представительницы рода Мономахов с четвертым сыном Ярослава Мудрого Всеволодом Япрославичем, как нет никаких сведений и о наличии у Константина Мономаха дочери или иной подходящей по возрасту родственницы. Трижды женатый император, по-видимому, ни в одном браке детей не имел. Кроме того, поводом для брака Всеволода считают русско-византийскую войну 1041 г., но тогда русская армия была наголову разбита и у Византии просто не было причин для включения политического брака в мирное соглашение. Византийцы, как известно, очень осторожно относились к заключению династических браков за пределы империи и соглашались на них только в исключительных случаях, когда их вынуждали к этому военные успехи варваров.

Таким образом, остается признать, что матерью Владимира Мономаха была неизвестная женщина, возможно гречанка, может быть рано умершая, но нет веских оснований считать ее родственницей Константина IX. Соединение этой женщины с домом Мономахов могло быть многоходовой политической комбинацией Владимира Всеволодовича, к которой он обратился в 1070-е гг. и к которой вновь вернулся впоследствии. Включение византийского императора в перечень трех поколений правителей из своей семьи подкрепляло его притязания на установление нового порядка княжеского престолонаследия от отца к сыну вместо распространенного в то время лестничного порядка от брата к брату и на

закрепление киевского престола за одной династией.

Анализ речевого колорита преамбулы позволяет представить ее смысловой контент как закрепление киевского престола за своими потомками с наследованием власти по европейскому принципу первородства. Такой порядок автор обосновывает генеалогическим древом, включавшим три поколения авторитетных русских правителей и представительницу византийского императорского дома Мономахов.

Результаты исследования.

- Установлено отличие от современного значения лексической единицы «добро» как центральной этической категории морально-нравственного содержания текста и ее связь с мировоззренческими понятиями «благотворение», «благодаяние». Также установлено, что «добро» осмыслялось как категория действия и мотива, ориентировавшая адресатов на щедрую благотворительность к церкви и указывавшая им путь причисления к «мужам богатым и совершенным»;

- Выявлено, что категория времени с цепочкой связанных с ней по смыслу самостоятельных слов употребляется в тексте, в основном, в отношении суточного периода, в рамках лексических парадигм «свет» и «тьма», с богатым метафорическим полем. Отмечено цикличное восприятие времени, которое по своему восприятию также может быть отнесено к категориям действия и мотива;

- Риторический колорит, как набор осознанных и неосознанных характеристик речи, позволяет считать концепцию о родовой принадлежности Владимира Мономаха к потомкам византийского императора Константина IX не подкрепленной вескими доказательствами и, очевидно, направленную на закрепление приоритетного положения своей семьи среди Рюриковичей.

Заключение. Использование приемов культурно-исторического комментирования позволяет не только полнее показать явления прошлого, которые нередко кажутся учащимся скучными, а их участники – бесцветно-одинаковыми, но и научить школьников внимательному чтению, анализу и структурированию информации. Средства языка позволяют не только

раскрывать имплицитные смыслы документальных источников, но и расширять культуроведческую компетенцию учащихся, вовлекая их в пространство отечественной культуры. Текстологический и языковой анализ документального источника для раскрытия заложенных в нем имплицитных смыслов является импульсом развитие познавательного потенциала обучающихся. А совокупность морально-этических положений, рассуждений и оценок, содержащихся в документальных источниках и отражающих нравственные проблемы и нормы поведения прошлых эпох, служит важным средством формирования нравственных ориентиров в современном мире.

Литература

- 1.Балашова, Л.В. (1997) Метафора в жанре жития древнерусской литературы. Жанры речи. Саратов: Издательство ГУНЦ «Колледж», 112-123.
- 2.Горский, А.А. (1987) Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание. *Исторические записки*. Т. 115. М.: Наука, 308-328.
- 3.Громов, М.Н. (1997) Структура и типология русской средневековой философии. М.: Институт философии РАН.
- 4.Зализняк, А.А., Шмелев, А.Д. (2012) Время суток и виды деятельности. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 57-65.
- 5.Ивакин, И.М. (1901) Князь Владимир Мономах и его Поучение. Поучение детям, Письмо к Олегу и отрывки. М.: Университетская типография.
- 6.Ищенко, А.С. (2017) Византийское наследие Владимира Мономаха. *Вопросы истории*, 2017, 5, 74-90.
- 7.Никифор, (2007) Митрополит Никифор: (исследования, древнерусские тексты, переводы, комментарии). Спб.: Мирь.
- 8.Сиповский, В.В. (1911) История русской словесности. Ч. 1. Вып. 2. История литературы XI-XVIII вв. Спб.: Издательство Я. Башмакова и К.
- 9.Бахилина, Н.Б. и др. (1975-2015) Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.

1-30. М.: Наука.

10. Словарь (1867) Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. В. 4 тт. Спб.: Типография Императорской Академии наук.

11. Толочко, А.П. (1992) Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка.

12. Хрусталева, Д. (2021) Владимир Мономах и Крестовые походы. *Русский Мир.ru. Журнал о России и русской цивилизации*, 2021, Январь, 32-37.

13. Челышев, Е.П. (1999) Постижение смысла творческого произведения (Проблема языка, культуры перевода и взаимопонимания). Пространства жизни. К 85-летию академика Б.В. Раушенбаха. М.: Наука, 260-278.

14. Якубинский, Л.П. (1949) «Поучение» Мономаха как памятник древнерусского литературного языка. Ученые записки Ленинградского государственного университета. *Серия филологических наук*. Вып. 14. Л.: Наука, 10-22.

15. Янин, В.Л., Литаврин, Г.Г. (1962) Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. Историко-археологический сборник. М.: Издательство Московского университета, 204-221.